

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ МОНИН (КАКИМ МЫ ЕГО ПОМНИМ)

Зубин А.Б., Пака В.Т.

*Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН,
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 36,
e-mail: abz32@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 28.06.2021, одобрена к печати 24.08.2021.

В этой статье публикуются воспоминания об Андрее Сергеевиче Монине – выдающемся учёном-геофизике, океанологе, общественном деятеле, докторе физико-математических наук (1956), профессоре (1963), академике РАН (2000), член-корреспонденте АН СССР (с 1972), директоре Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН в 1965–1987 гг. А.С. Монин был не только блестящим учёным (теоретиком и практиком), не только талантливым лидером и организатором научных исследований, которые позволили вывести океанологию в нашем институте, и в целом в стране, на новый – более высокий – уровень, но и интереснейшим, незаурядным человеком. Личностью с большой буквы. И мы, авторы этой статьи, гордимся тем, что знали Андрея Сергеевича лично и работали с ним.

Ключевые слова: А.С. Монин, геофизика, директор ИО РАН, Атлантическое отделение ИО РАН, проект «Черномор», подводный «дом», глубоководные исследования, морская турбулентность

Андрей Сергеевич Монин, будучи директором Института океанологии, очень много внимания проявлял к нашему – Атлантическому отделению. Впрочем, как и к другим отделениям Института. Он вообще мечтал создать на базе Института океанологии и его отделений Российский научный океанологический центр, типа «Курчатовского». К сожалению, его мечте не суждено было воплотиться в жизнь. Авторы этой статьи, отдавая дань памяти Андрею Сергеевичу как крупному учёному (о чём к 100-летию со дня его рождения будет опубликовано много материалов), хотим вспомнить этого энциклопедически образованного, незаурядного и весьма неординарного человека, с которым тесно общались в течение довольно долгого времени, главным образом, как ЧЕЛОВЕКА.

Рис. 1. А.С. Монин – директор ИО АН СССР с 1965 по 1987 гг.

Итак...

В.Т. Пака

Мне хочется рассказать об Андрее Сергеевиче как о человеке необыкновенной энергии и настойчивости в «пробивании» в жизнь многих замечательных научных идей и важнейших новейших разработок. Хорошо известна роль А.С. Монины в развитии научного флота, в обосновании и практическом подтверждении теории мобилизма в морской геофизике и геологии, в организации грандиозной программы подводных исследований. Для этого нового направления была создана уникальная инфраструктура, воплотившая и развившая идеи Ж.-И. Кусто, с которым Андрей Сергеевич познакомился в самом начале своего директорства. Начав с проекта «Черномор» – подводного «дома» для акванавтов, установленного в Голубой бухте в Южном отделении Института океанологии им. П.П. Ширшова АН (ЮО ИО АН, теперь ЮО ИО РАН), – Андрей Сергеевич продолжал решать проблемы пребывания человека в морской среде, создав в ЮО ИО АН Центр подводных исследований. Итогом работ по этой проблеме была постройка НИС «Витязь»-IV, оснащённого подводным колоколом для долговременной работы акванавтов на больших глубинах и возвращением на судно без декомпрессии. Одновременно велись разработки, строительство, закупки и ввод в эксплуатацию глубоководных обитаемых аппаратов (ГОА) «Аргус», двух «Пайсисов» и двух «Миров», что позволило выполнять комплексные исследования дна океана до шестикилометровой глубины.

Рис. 2. Слева направо:
А.М. Сагалевич, космонавт В.А. Коваленок, А.С. Монин (1983 г.)

Хорошо известен Андрей Сергеевич и как один из лидеров теории турбулентности и её геофизических приложений. Но немногие знают об организации Андреем Сергеевичем исследований морской турбулентности, имевшей не только фундаментальное, но и важное прикладное значение (учитывающее задачи Российского Военно-морского флота). Андрей Сергеевич сам участвовал в этих исследованиях и энергично поддерживал работы по заданиям ВМФ (весьма скромные по своим масштабам в момент его прихода в институт). Именно Андрей Сергеевич придал «спецтематике» первостепенное значение. С учётом этих специфических задач было создано Отдельное конструкторское бюро океанологической техники (ОКБ ОТ), развивались научные отделы и лаборатории Института, а также создавались новые. В числе новых лабораторий была и созданная в Атлантическом отделении ИО РАН Лаборатория экспериментальных гидрофизических исследований, в дальнейшем переросшая в отдел (ОЭГФИ). К удивлению (и на зависть) американской и канадской школ по морской турбулентности, в ИО РАН стала выполняться грандиозная программа «турбулентных» рейсов, в которой, начиная со второго рейса НИС «Дм. Менделеев» (1969 г.), приняли участие все суда Института. Неоднократными участниками этих рейсов были и авторы настоящих воспоминаний.

В первом «турбулентном» рейсе принял участие приглашённый Андреем Сергеевичем его учитель, великий учёный – Андрей Николаевич Колмогоров. Программа исследований этого рейса охватывала широкое разнообразие процессов, формирующих структуры гидрофизических полей морей и океанов. Спустя короткое время, А.Н. Колмогоров принял участие ещё в одном океанском рейсе, а по возвращении из рейса им в МГУ был организован Научный семинар по теории стратифицированной жидкости.

Одновременно с океанскими рейсами велась постоянная, весьма напряжённая, но не подлежащая широкому обсуждению, работа на полигонах ВМФ. Лидером этой работы было Атлантическое отделение, хотя участвовало в ней и много специалистов физического сектора ИО АН. В результате ИО АН возглавил исследования по «спецтематике» ВМФ в академической, ведомственной и вузовской науке. Следствием тесной кооперации ИО АН с другими научными коллективами было формирование в ИО АН Лаборатории прикладной океанологии, которой заведовали, выходя в отставку, вице-адмиралы А.Л. Генкин и И.И. Тынянкин. Одновременно в научные коллективы ряда физических лабораторий вошли демобилизовавшиеся из военных организаций специалисты с учёными степенями, курировавшие эту работу в ИО АН, – В.Д. Поздынин, Б.Ф. Кельбалиханов, З.Е. Энтин.

«Спецтематика» всемерно поддерживалась руководством Академии наук. Известно, какую огромную роль играл в «спецтематике», а именно в освоении космоса и создании ракетной техники, президент Академии наук М.В. Келдыш, который и назначил А.С. Мони́на директором Института океанологии. Следующий президент Академии наук – А.П. Александров – одновременно с Академией наук возглавлял Научный совет по комплексной проблеме «Гидрофизика», курируя и поддерживая в этом качестве «специфическую» работу ИО АН.

По приглашению А.С. Монины в Институте океанологии стал работать академик Л.М. Бреховских, ушедший с поста директора Акустического института и создавший в ИО АН отдел гидроакустики с несколькими научными лабораториями. Новые лаборатории возглавили ученики Л.М. Бреховских, а его заместитель – заместитель директора Акустического института И.Е. Михальцев – стал первым заместителем А.С. Монины, курируя многосложные прикладные задачи, включая разработку ГОА «Мир». За участие в разработке «Миров» И.Е. Михальцеву было присвоено звание «Героя социалистического труда».

При Андрее Сергеевиче Монине были налажены контакты сотрудников Института океанологии с лидерами турбулиметрии за границей, в частности, в Канаде и США, например, с Робертом Стюартом, Карлом Гибсоном и др.

Только эта, далеко не вся, деятельность Андрея Сергеевича на посту директора Института океанологии показывает, сколь велик был его вклад в отечественную физику океана и в целом в океанологию.

А.Б. Зубин

Я всё же более, чем мой соавтор, остановлюсь на А.С. Монине как человеке. Впервые Андрея Сергеевича я увидел, когда он посетил «с визитом доброй воли» Атлантическое отделение. Я должен был уйти в экспедицию, которую возглавил К.В. Морошкин, и в которую отправилась большая часть сотрудников Отделения, но... за день до вылета оказался в больнице с аппендицитом. Увы, о рейсе речи уже не шло. Выйдя из больницы и получив «законный» бюллетень, я, тем не менее, стал ходить на работу. И вот однажды дверь моего кабинета открылась, и вошли зам. директора Отделения Н.П. Майстренко, а с ним какой-то человек со странным выражением лица – это и был Андрей Сергеевич Монин. А лицо у него было «странным» из-за отсутствия глаза, потерянного на фронте – контузия. Майстренко представил меня ему, сказав, что «Зубин должен был идти в рейс, но попал в больницу, где ему сделали операцию, у него бюллетень, а он вместо того, чтобы отдыхать после операции дома, ходит на работу». «Что ж, – сказал незнакомец, – это я хорошо понимаю...». Вот так и состоялось моё знакомство с новым директором Института океанологии. А потом мы оказались с Андреем Сергеевичем в двадцать восьмом рейсе НИС «Академик Курчатов», который Андрей Сергеевич возглавлял, а я был начальником отряда течений – самого трудоёмкого, но который при этом состоял практически из трёх человек. Правда была ещё одна «дама», которая во время ночных работ варила нам кофе. И вот как-то на ежедневном утреннем совете Андрей Сергеевич, обратившись ко мне, сказал:

– Что это значит? В какое бы время я не вышел на верхнюю палубу, всегда вижу одну и ту же картину – начальник отряда течений Зубин стоит за лебёдкой и крутит баранку. И это вместо того, чтобы сидеть в каюте и работать головой.

– А кто же будет «баранку крутить»? – спросил я, – Из трёх человек-то?

– И кто же это тебе, Алик, такой отряд сделал? – спросил Андрей Сергеевич.

– Да уж и не знаю, – сказал я, – но предполагаю, что начальник экспедиции. По-видимому, в связи с **недостаточным** экспедиционным опытом....

А вскоре я очень здорово «проехался» по Андрею Сергеевичу в судовой радиогазете, в выпусках которой принимал самое активное участие: выступал с фельетонами и эпиграммами на судовые темы, причём не щадил никого. Тут надо вспомнить, что в Институте Андрей Сергеевич «прославился» тем, что приказал **уволить регистр**, который не выпускал в рейс «Курчатов», посчитав, что Регистр – это человек. Действительно, Андрей Сергеевич иногда выдавал такие «пассажи», что хоть стой, хоть падай. (Надо сказать, что Андрей Сергеевич был очень неординарным человеком и его ошибки тоже бывали неординарными). Что-то такое он «выдал» и в этом рейсе. Ну, а я не заставил себя долго ждать. Радиогазета вышла вечером, а утром каждый встреченный мной сотрудник Института океанологии говорил: «Ты что, Zubin, с ума сошёл? По Монину **так** проехался! Считай, что ты уже уволен – ищи работу...» И вот встречаю Андрея Сергеевича: «Доброе утро, Андрей Сергеевич!» Андрей Сергеевич остановился и, покачав головой, сказал: «Ну, и язычок у тебя, Алик...» На этом моё «увольнение» из Института океанологии и закончилось.

После завершения палубной работы, я по традиции (мною же и установленной) организовывал «банкет», на который собирались все те, кто работал на буйковых постановках: отряд течений, палубная команда во главе со старпомом и боцманом, а также ремонтные механики, следившие за работой лебёдок. Естественно, приглашались капитан и начальник экспедиции. Должен сказать, что такого рода «банкет» приветствовался всеми – и командой, и научными сотрудниками. Собрался я это сделать и «под занавес» 28-го рейса «Курчатова». Однако для «банкета» нужна была не только закуска. И приходилось для этой цели использовать «подручные средства» – спирт ректификат, делая из него разные настойки. А Андрей Сергеевич подписывал заявки на этот «продукт» лично, не доверяя это своему заму и уменьшая выписываемое количество... на порядок – просто зачёркивая последний ноль. Однако делать было нечего, и я с соответствующей заявкой пошёл к Андрею Сергеевичу. Он посмотрел на заявку и, несколько ошарашенный, спросил: «Это что? Это зачем **столько?**» Я объяснил, сказав, что если начальник экспедиции считает, что мы плохо работали, то конечно.... Но, а если хорошо? И далее сказал, что мог бы, конечно, обратиться в судовую лавочку, однако, хотя я уже и защитился, но ещё не утверждён, и средств у меня для этого маловато. Андрей Сергеевич, ещё раз взглянув на заявку, взял ручку и, сказав: «Вот это я понимаю. Людей надо поощрять, ты совершенно прав», увеличил выписанное количество **вдвое** и отдал заявку мне. «Меня не забудь позвать!» – сказал он. И он действительно пришёл на «банкет», был, как говорится, «очень мил», много шутил и рассказывал разные смешные истории. И все чувствовали себя совершенно раскованно.

Надо сказать, что Андрея Сергеевича многие боялись и не любили. А он – трудоголик – хорошо относился к тем, кто работает не за страх, а за совесть, и не терпел ни малейшего отлынивания от работы и ни малейшей халтуры.

Андрей Сергеевич любил энтузиастов. Ко мне и к таким моим коллегам, как В.Т. Пака или Р.В. Абрамов, Андрей Сергеевич благоволил именно благодаря нашей работе. Для меня это имело и некоторые отрицательные стороны. Когда я шёл в рейс заместителем начальника экспедиции (а такое случалось несколько раз), Андрей Сергеевич... вычёркивал из списка руководства некоторых других замов (в частности из отдела флота Института), говоря, что «если идёт Зубин, он и один справится со всеми делами». А институтские «флотоводцы», естественно, обижались, но обижались... на меня.

Потом был тридцатый рейс «Курчатова», в котором мы с Андреем Сергеевичем встретились вновь. На этот раз отряд, начальником которого я был, звался гидрофизическим и занимался всем: и гидрологией (главным образом), и течениями, но, опять же, состоял из трёх действующих сотрудников.

Став с Андреем Сергеевичем соавторами научных статей, мы зачастую спорили по поводу их построения или... грамматики. Так, однажды Андрей Сергеевич переправил в статье, наброски которой я ему дал, слово «меридиАнальный» на «меридиАнальный».

– Андрей Сергеевич, – сказал я, – между прочим, хотя он и меридиАн, но не Анальный....

– Но и не меридиОн же он, – сказал Андрей Сергеевич и... оставил своё исправление.

– Ладно, – сказал я, – в редакции всё равно исправят....

– Пусть попробуют! – сказал Андрей Сергеевич.

– Прикажете редакцию уволить, – спросил я, – как регистра?

– Ну, что ты за человек, Алик? – ответил Андрей Сергеевич, – Всё время пытаешься меня уколоть, забывая, что я человек пожилой и к тому же контуженный....

Рис. 3. Портрет директора Института океанологии А.С. Монины (1970-е)

Когда мы только-только вернулись из двадцать восьмого рейса «Курчатова», в Хабаровске открылся Тихоокеанский конгресс. На конгрессе была секция океанологии, которую и возглавил Андрей Сергеевич. Я на конгресс никоим образом не собирался, тем более, что никогда не занимался вопросами, связанными с Тихим океаном и заявку на участие в нём не подавал. Но неожиданно для меня Андрей Сергеевич сказал: «Поедешь на Тихоокеанский конгресс – я тебя включил в список. Вылет из Москвы... (и он назвал дату). На конгрессе выступишь и расскажешь о следе в океане, оставленном ураганом – то, что твой отряд получил в предыдущем рейсе. Мне об этом

рассказывал Фёдоров (*К.Н. Фёдоров был начальником двадцать седьмого рейса НИС «Академик Курчатов», а я – начальником отряда течений*). Это интересно всем». А картину в двадцать седьмом рейсе «Курчатова» мы получили действительно уникальную: через кластер буйковых станций с измерителями течений и температуры прошёл «глаз» урагана «Элла», оставив температурный след до больших глубин океана.

Так я стал участником конгресса, выступив с докладом на секции океанологии, не имея при этом никаких материалов: ни плакатов, ни тезисов. «След урагана» я рисовал на доске и рассказывал о нём по памяти. Напечатанных тезисов доклада у меня тоже не было, поскольку на участие в конгрессе я своевременно заявлен не был. Тем не менее, Андрей Сергеевич остался моим выступлением доволен: «Видишь, – сказал он, – я говорил, что это будет интересно всем».

По окончании конгресса был банкет, на который у меня также не было приглашения. И я решил свободное время провести с пользой – пойти искупаться в Амуре. Но по дороге встретил Андрея Сергеевича, который, узнав, куда я иду, тут же выдал мне билет на банкет. Но вспомнил я о банкете по другой причине. Банкет сопровождался концертом. Выступления артистов замыкала известная оперная певица, которую уже практически никто не слушал. Мне даже стало неловко: человек прекрасно поёт, а «народ» жуёт и беседует. Но когда певица закончила выступление, на сцену мгновенно поднялся Андрей Сергеевич, вручил певице букет цветов и поцеловал руку. Раздались бурные аплодисменты. Честь участников конгресса была спасена.

...Последний раз я виделся с Андреем Сергеевичем незадолго до его кончины. Я был в командировке в Институте, и меня позвала Нина Солнцева – многолетняя помощница Андрея Сергеевича, сказав, что Андрей Сергеевич хочет со мной встретиться. Я зашёл к нему. Андрей Сергеевич плохо выглядел – был нездоров. Он подарил мне свою последнюю книгу «Жизнь и разум» с дарственной надписью: «Дорогому Алику Зубину. А. Монин» (кроме меня в Атлантическом отделении этого подарка удостоились В.Т. Пака и Р.В. Абрамов).

...В заключение мы – авторы – хотим сказать, что гордимся тем, что общались (а фактически были его учениками) с этим замечательным учёным и своеобразным, энциклопедически эрудированным и неординарным человеком – Андреем Сергеевичем Мониним.

Зубин А.Б., Пака В.Т.

**ANDREI SERGEEVICH MONIN
(AS WE REMEMBER HIM)**

Zubin A.B., Paka V.T.

*Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Science,
36, Nakhimovskiy prospekt, Moscow, 117997, Russia,
e-mail: abz32@mail.ru*

Submitted 28.06.2021, accepted 24.08.2021.

This article publishes the memoirs about Andrei Sergeevich Monin – an outstanding scientist in geophysics, oceanologist, public figure, doctor of physical and mathematical sciences (1956), professor (1963), academician of the Russian Academy of Sciences (2000), director of the of the Shirshov Institute of oceanology of RAS in 1965–1987. A.S. Monin was not only a brilliant scientist (theoretician and practitioner), not only a talented leader and organizer of scientific research, which made it possible to bring oceanology in our institute, and in the country as a whole, to a new – higher – level, but also an interesting, outstanding person. Personality with a capital letter. And we, the authors of this article, are proud that we knew Andrei Sergeevich personally and worked with him.

Keywords: A.S. Monin, geophysics, director of the IO RAS, Atlantic branch of the IO RAS, Chernomor project, underwater “house”, deep-sea research, sea turbulence